

Владимир  
ПРОНСКИЙ

г. Москва

# САФАРИ

# В

# ПОДЛИПКАХ

рассказ

Неожиданно встретившись у подъезда, они разговорились, и выяснилось, что оба собираются в отпуск.

— Сергеич, и куда же поедешь? — спросил у Руслана Сухова сосед Вениамин Егин — угловатый, обычно угрюмый лицом, а сегодня вдруг улыбнувшийся.

Сухов в меру высок, коротко подстрижен, спортивный. Он возвращался из парка после пробежки и находился в прекрасном настроении. И Сухову, и Егину было слегка за пятьдесят. Поэтому Руслан и ответил запросто:

— В мои годы не загадывают.

— Да уж ладно, не прибедряйся! А то поехали со мной в деревню на охоту! Уток — море. Не охота будет, а натуральное сафари. Почти как в Африке!

— Для тебя сафари, а мне что делать? Вам с женой мешать?

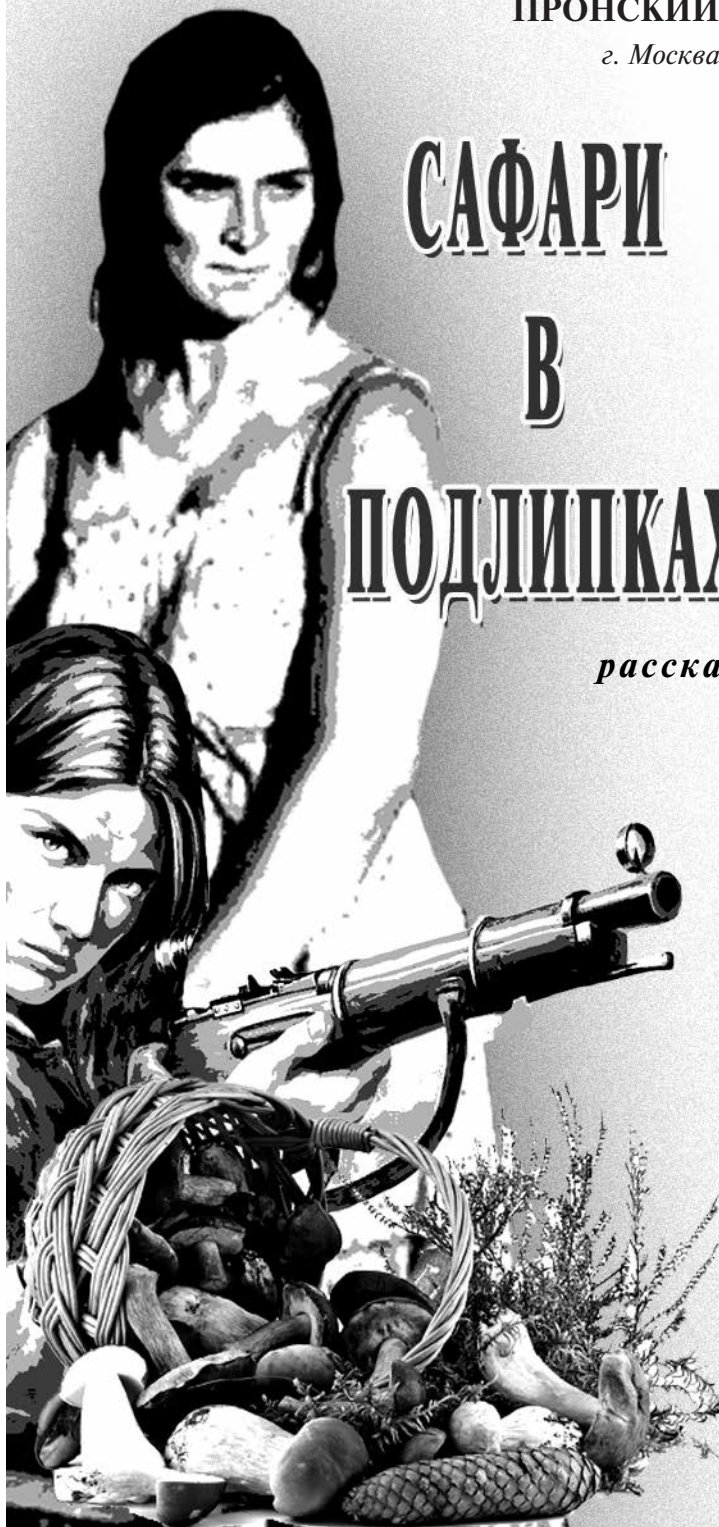
— Одни поедем, ей и на даче хватает забот. Ну как?

— В августе неплохо в сельской местности, только я ведь не охотник.

— У меня местных дружков полно — есть с кем уток погонять! А твоё дело за грибами ходить!

Неделя после разговора пролетела незаметно, и вот они уж за городом и мчатся на «Ниве» — только ветер свистит. Путь неблизкий — почти четыреста километров. Пока ехали, о многом переговорили. Разговаривая, Сухов в мыслях представлял малую родину Вениамина, на которую ехал впервые, ведь познакомился с ним недавно, поселившись рядом несколько месяцев назад.

Ранее Руслан почти каждый год проводил отпуск у родителей. Иногда с женой и дочерью, а в последние годы ездил один: дочь выросла и не очень-то рвалась к деревенской бабушке, а прошлым летом и той не стало. Ему бы взвалить на себя заботы о родительском доме, но он давно отвык от хозяйства. Поэтому и продал дом, разделил деньги с братьями. Всё это теперь в прошлом: домашние хлопоты, перепалки с дочерью и её иногородним мужем, из-за которого после смерти жены пришлось продать квартиру. На свою долю он купил «однушку» на окраине Москвы, но и этому был рад, хотя пришлось брать кредит. Зарабатывал Сухов в проектной мастерской



неплохо, поэтому планировал года через три рассчитаться. Так что не совсем уж тяжело складывалась его жизнь.

К вечеру они прибыли в село с нежным названием Подлипки. Выглядело оно просторным, зелёным, вот только лип почему-то не было видно. Лишь вереницы вётел и берёз разбежались вдоль широких улиц; особенно теснились они возле церкви, выглядывавшей из-за деревьев на холме у реки. Церковь сохранилась хорошо, но оказалась недействующей, словно не доставало здесь прихожан или они забыли православные обряды и жили по особым законам. Поэтому Подлипки показались Руслану насторожёнными, даже затаившимися. Правда, тревожные мысли забылись, когда вышли из машины и окунулись в такой нестерпимо свежий и густой воздух, что лёгкие могли запросто лопнуть от глубокого вдоха.

Приятеля быстро разгрузились, протёрли полы в бревенчатом пятистенке, подключили газовый баллон, холодильник и сели перекусить. Бутылочку откупили. Как без неё. Расположились на веранде, и Вениамин нет-нет да поглядывал сквозь пыльные занавески.

— Кого высматриваешь-то? — спросил Руслан.

— Гляжу, Наташка активировалась...

— Соседка, что ли? — Сухов тоже покосился и увидел женщину средних лет, обрывавшую траву в своём палисаднике.

— Кто же ещё... В прошлом году участковому заявление подавала: мол, я два кочана у неё стянул. А сам посуды, нужны они мне? Я что, из Москвы приехал, чтобы кочаны тягать?! Надо на ночь машину во двор загнать, а то от этой глупой чего хочешь жди!

— А может, она внимание на себя обращает, радуется твоему приезду?

— Ну и мысли у тебя!

Когда они выпили и основательно закусили, убрав еду со стола в натужно ворчащий холодильник, хозяин выступил с предложением:

— Может, прогуляемся?!

— Что-то не хочется... — отказался Сухов, разомлев от выпитого.

— Тогда один до родственников добегу, соскучился всё-таки.

Хозяин быстро ушёл, а Сухов остался на крыльце, закрыто от улицы разросшимися кус-

тами сирени и пламенеющих рябин. И так ему хорошо сделалось, словно он оказался у себя дома на любимой лавочке под разлатыми елями.

— Здравствуйте! Вы с Вениамином приехали? — неожиданно раздался женский голос.

Покосившись, Сухов увидел соседку. На вид лет сорок пять: опрятная, светлые волосы расчёсаны на две стороны, нос слегка курносый, глаза серые, любопытные.

— Да, с ним, — подтвердил Руслан Сергеевич и назвал, не зная, что ещё можно сказать собеседнице, помня слова Вениамина о её глуповатости.

— А где же он сам-то? Небось, к друзьям за кадычным побежал?!

Сухов развёл руками, давая понять, что говорить более не о чем; ему в этот момент хотелось лишь наслаждаться тишиной и покоем.

— Ну ладно, я попозже зайду! — настырно пообещала Наташка.

Соседка ушла, зато вскоре появился Вениамин с двумя пакетами, а в пакетах бутылки гремят.

— Пойдём, Сергеич, ещё посидим!

Вот чего-чего, а пьянствовать Сухову совершенно не хотелось. Он сегодня и без того много выпил, уважил хозяина, а более и смотреть не мог на водку.

— Вот завтра, после охоты, и выпьем, а на сегодня план выполнили! Я ставлю точку!

— Ну и зря! — не согласился Вениамин и прошёл на веранду, начал расставлять старую закуску и резать новую, пояснил: — Сейчас кореша придут!

И правда, вскоре появились сильно загоревшие мужики из местных: один чернявый, плотный, в рубахе непонятного цвета, другой — худой, рыжеватый, в майке и с выколотыми синими «перстнями» на пальцах. И оба небритые. Руслан поздоровался, познакомился: чернявого звали Михаилом, рыжего Жорой, после чего они расселись за столом, а Вениамин так и крутился около них. Когда всё было готово, сказал Сухову:

— Сергеич, много можешь не пить, но за знакомство рюмочку пропусти, уважь пацанов!

Что оставалось. Сухов уселся на лавке с краешка, окончательно распроставшись с наладившимся настроением. Незаметно наполни-

ла мысль о том, что зря он поддался уговорам и приехал сюда. Если Вениамин пьяница, то спокойствия ему не видать. И ведь никогда не подумаешь. Когда переехал на новое место, то даже радовался, что повезло с соседом: всегда первый поздоровается, с работы идёт с газеткой. Правда, узнав, что Вениамин работает в типографии, понял, что газетки для него ничего не стоят и, скорее всего, он их не читает. Но всё равно уважение вызывал. А теперь его как подменили.

Поэтому Сухов лишь выпил за знакомство и ушёл разбирать кровать, понимая, что если останется за столом, то выпивка не закончится. Под суматошные выкрики с веранды Руслан задремал, а потом и вовсе заснул, а проснулся от суеты, которую устроил Вениамин, тоже укладываясь. Начал давать ценные указания, из которых Руслан уяснил лишь одно: «Спи сколько хочешь, но с утра накопай за садом хрена!»

Сухов пробурчал, мол, согласен, и, не желая разгуливаться, повернулся к стене... Среди ночи он всё-таки проснулся от храпа Вениамина и лежал в темноте до тех пор, пока в окно осторожно постучали, а хозяин пробормотал: «Иду, иду...» Одевшись, он прихватил ружьё с патронташем, и только после этого Сухов заснул по-настоящему.

Проснулся от шумных шагов... Пригляделся, а это Вениамин шастает из угла в угол, словно и не уходил никуда. Увидев, что гость зашевелился, поторопил и похвалился:

– Вставай, Сергеич! Надо дичь потрошить! Целый таз с корешами нашёлкал.

Сухов быстро оделся, немного смущаясь от долгого сна, хотя на часах и девяти не было. Так что и не проспал вовсе, а нормально отдохнул после дороги. За завтраком Вениамин похмелился и начал на веранде чистить ружьё. Сухов же, попив чаю, вынес таз с кряквами и несколькими чирками к лавочке в палисаднике и принялся драть с птиц перо.

Неожиданно появилась Наташка. Она негромко поздоровалась, спросила:

– Хозяин у себя? – и, не дожидаясь ответа, прошла на раскрытую веранду как к себе домой. Сухов запоздало кивнул и стал невольным свидетелем разговора.

– Вениамин, ты уж не обижайся за прошлый год. Напраслину я наболтала участковому, – плакалась соседка.

– Ну, а от меня-то чего хочешь?

– Ничего не хочу... Вот бутылочку принесла... Чтобы не было обиды.

– Ладно, оставляй, деньги потом отдам. Подаяния мне не нужны! А то, что пришла, – молодец!

– Только не держи обиду...

– Не держу, не держу... Всё, свободна!

Наташка легко сбежала по ступенькам и, глянув на Сухова, усмехнулась:

– Кто же так уток чистит? С головы только селёдку дерут, а дичь – с хвоста! Да откуда городским знать это! Вот, смотрите...

Наташка моментально оказалась на лавке рядом с Суховым, подвинула таз с дичью к себе – и только перья полетели из-под её шустрых рук.

– Учись, Сергеич! – усмехнулся вышедший на крыльцо Вениамин. – Она ещё не тому научит! Если взяла в оборот, живым не отпустит! Ладно, занимайтесь, а я пойду часок вздремну, а то вечером опять на охоту... Да, хрена не забудьте накопать! – Вениамин закрыл дверь, давая понять, что разговор окончен.

Наташка удивительно быстро ощипала уток, собирая перья и пух в большой пакет, и, разогнувшись, сказала:

– Теперь надо опалить их. У меня за двором кострище есть – дочь с зятем приезжали недавно, шашлыки делали, – там и разведём костерок.

В саду Наташка развела огонь, опалила уток, а потом на чистой доске выпотрошила их. Сухову лишь оставалось подносить воду из колодца.

– А ты хозяйственная! – похвалил Руслан раскрасневшуюся соседку. – Всегда помогаешь Вениамину?

– А кто ему поможет. Ему никогда ни до чего нет дела. А вы, я сразу поняла, – повар никудышный!

– Что есть, то есть... А теперь-то что делать с птицей?

– Ставьте кастрюльку на плиту и варите на медленном огне. Утки долго варятся, это не куры бройлерные! А я пока картошечки накопаю, лучок с морковкой почищу, зелень приготавливаю.



Действительно, не прошло и получаса, как соседка вернулась и отдала Руслану, снимавшему пену с закипавшей воды, миску с овощами, ведро картошки и подсказала:

– Как дичь сварится, заправьте овощи.

– Всё так и сделаю, как говоришь, заботливая наша! – усмехнулся Сухов, невольно проникаясь чужой отзывчивостью.

Дав указания, соседка ушла, а Сухов взял лежавшую на полке книгу и начал листать. Книга была об Африке и диких животных. Почитав об особенностях тамошней охоты, которая называлась сафари, Сухов усмехнулся и подумал, слыша доносившийся из комнаты храп: «У нас тут своё сафари. И антилопы подходящие водятся. Только не зевай. Надо будет об «антилопе» расспросить у Вениамина!»

Пока он читал да размышлял, вернулась Наташка и принесла стеклянную баночку хрена, разукрашенного свекольным соком.

– Спасибо, мы должники...

– Да ладно, сочтёмся! Соседи всё-таки. Тогда я пойду – надо лук перебрать, – доложила она, словно Сухову это необходимо было знать.

Руслан присел на ступеньку крыльца, не понимая, какой интерес Наташке возиться с ними. Ну, приехали и приехали. Или она действительно вину искупает за прошлогодний поступок, когда ни за что опозорила Вениамина... За мыслями Сухов не заметил, как появился Вениамин, по-кошачьи мягко ступая в носках. Сел рядом, потянулся, разламываясь со сна:

– Ловко ты... Не успел вздремнуть, и утки варятся, и овощи порезаны, и хрен на столе розовеет! Молодец!

– Это всё соседка...

– Она шустрая, только мужа не может найти. Мужик её два года назад утонул в полую воду. Пошёл на охоту и с концами... Вот с той поры и мается: рада бы за кого выйти, да не за кого – сплошь пьяницы. А ведь она башковитая: работала воспитателем в детском саду, пока его не закрыли, а теперь в школе уборщицей перебивается. Можешь представить, какая там зарплата. Но и той, говорят, скоро лишится: детишек будут в соседнее село возить! Автобус дешевле гонять, чем школу содержать... А Наташку-то с детства знаю, она на

моих глазах выросла. Такая рассудительная всегда. Помню, Веником дразнила. У нас с ней разницы-то лет шесть, кажется.

– Ты же говорил вчера, что она глупая!

– Да так я чего-то сболтнул. Прошлогодняя обида не прошла. А она ишь какая совестливая – бутылку принесла. А мне приятно не бутылка, а уважение. И чувство своей вины. Ошиблась – исправь положение. А то ведь как у нас: иной сделает глупость и до бесконечности упрямится, не желая признавать ошибку. А Наталья не такая, а податливая, душевная. Она ведь, как только приеду на охоту, не отходит от меня.

– Старая любовь, что ли, не ржавеет!

– Да ты что! Она мне как сестра родная!

– Можно всякое подумать, если так печёшься о ней.

– А кто ещё будет печься... С детства без отца росла, мать года три назад похоронила. Дочь давно в райцентре живёт. Поэтому и радуется моему приезду, а то, что в прошлом году участковому наболтала, – я сам виноват. Напраслину спьяну сказанул у магазина, что, мол, мою соседку все ребята хвалят... Ну и заработал на орехи... Ну, ладно, ты уж занимайся похлёбкой, если ввязался в это дело, а я пока к дружку схожу.

Ходил Вениамин долго. Давно утиный суп сварился, огурцы и помидоры заветрились, хотя и накрытые полотенцем от мух, а он всё не появлялся. А когда появился, то удивился:

– Всё ждёшь?

– Жду, – вздохнул Сухов.

– Ну и зря... Давно бы нахарчился и лежал, поплёвывал в потолок.

– Есть-то будешь или мне одному?

– Я уж наелся... Не обижайся... Михаил пристал – нельзя было отказаться: друзья детства. А ты ешь-ешь – хоть всех уток сломай, ещё добуду. И похмелись после вчерашнего, и мне заодно налей! – командовал хозяин.

Выпил он, правда, немного, потому что и без того был пьяненьким, и отправился спать, попросив разбудить к вечеру. А Руслан выпил по-настоящему и, похлебав супа, принялся за крякву. Утка оказалась пряной на вкус, жестковатой, нежирной, какой и бывает дичь.

Перемыв посуду, Сухов вышел в палисадник с книжкой. Он хотя и выпил, плотно пообе-

дал, а настроения особенного не было из-за появившегося неуютного чувства. Не такой он видел эту поездку, когда мечтал о дальних прогулках, походах за грибами, но, похоже, ему предстояло просидеть в этом палисаднике все предстоящие дни. Он несколько раз видел мелькавшую Наташку, и складывалось впечатление, что она напрашивается на разговор, но почему-то не решается подойти. А он охотно поговорил бы, расспросил о теперешней сельской жизни.

Вечером Сухов вновь оказался один, поужинал жареной картошкой, бутербродами, чаю попил. После ужина неожиданно появилась Наташка.

– Не пришёл? – спросила она о Вениамине, заглянув на веранду, где Сухов протирал стол.

– Рано ещё...

– Что послезавтра делать будете?

– Мы так далеко не загадываем... Книжку читать о сафари... – усмехнулся Руслан.

– А вот и зря... Пока погода стоит – надо за грибами ходить. Я послезавтра пойду после обеда, могу и вас взять с собой.

– За грибами-то по утрам ходят. И почему не завтра?

– В выходной и утром после выходного бесполезно. За выходные дачники все леса насквозь прочесали. А к вечеру в понедельник пойдёшь – можно набрать!

– Я бы с удовольствием... Только без Вениамина нехорошо идти.

– Ему не до грибов.

– В понедельник же охоты не будет!

– Всё равно он никогда не ходит. Будет с друзьями бражничать!

– Тогда, считай, договорились.

После заинтриговавшего разговора Сухов ушёл в дом, лёг поверх одеяла и сладостно закрыл глаза, обдумывая неожиданную договорённость, подумал о том, что предстоящая затея не понравится Вениамину. Хотя почему надо подстраиваться под кого-то. Он – гость, и его желания если уж необязательны к исполнению, то хотя бы к ним надо прислушиваться. Впрочем, он не знал планов Вениамина на ближайшие дни, и вполне возможно, что тот отправится за грибами вместе с ними.

Вениамин вернулся с охоты в темноте, ког-

да разлилась прохлада, а в палисаднике запахло горьким ароматом отцветающих мальв, и бросил на веранде связку дичи, сказал вышедшему Руслану:

– Работа есть...

Сухов без лишних слов понял, что надо делать, но когда приготовил пакет для перьев, чтобы щипать уток, Вениамин остановил.

– Смотри, как надо! – и за две минуты разделал утку, буквально содрав ножом кожу вместе с перьями и головой. – А то будешь, как Наташка, полночи возиться!

Такой способ выглядел варварским, но Руслан признал, что он весьма эффективен, тем более что перо всё равно выбрасывать.

– Где так научился-то?

– У Жорика... Он когда-то на Севере бичевал, а там валандаться не любят.

– На Жорика посмотришь, так и не пове-ришь, что он такой ушлый...

– Он ещё тот жиган... Знаешь, как однажды от волков спасся?

– Как?

– Очень просто. Выбирался как-то с товарищем из тайги, до села оставалось полкилометра, как за ними стая увязалась. Обоих бы погрызли, а Жорик под коленкой жилы подрезал приятелю, тот упал, волки кинулись на него, а Жорик в это время успел ноги унести.

– Но это же подло!

– Человек, когда жить захочет, на всё готов. Лишь бы свою шкуру спасти.

Более Сухову не хотелось говорить ни о волках, ни о Жорике, ни о его чудовищном спасении. Приспособившись, он быстро разделал четыре утки, потом – окровавленных и страшных на вид – упаковал в пакеты и убрал в морозилку, помыл посуду. Вениамин отправился спать, а Руслан, тоже улегшись, долго представлял схватку в зимней тайге, как два человека, спасаясь от волков, пытаются убежать и как один другому режет поджилки... Да, такое откровение дорогого стоит. Он старался гнать от себя чёрные мысли и постепенно забылся, представляя поход за грибами. Надо лишь дожждаться понедельника.

Поэтому следующий день прошёл у него под знаком ожидания. Вениамин мотался по друзьям да на охоту, а Руслан занимался хо-

зайством, неожиданно радуясь этому, потому что часто ходил за водой, а колодец почти напротив Наташкиного дома. Однажды заметил мелькнувшее в окне курносое лицо и понял, что она следит за ним. И от этого ещё сильнее проникся ожиданием, понимая, что всё это неспроста, и поймал себя на мысли, что она становится безразличной.

В понедельник охоты не было, и Вениамин, хорошенько отоспавшись, заявил:

— Сегодня я должен долг отдать — на могилках у родителей убраться. С Пасхи не был. За лето там бурьян по пояс вырос. Пойдёшь со мной?

— Мог бы и не спрашивать!

Вскоре с двумя мотыгами на плечах отправились на кладбище. Работали недолго, потому что особо не мудрствовали: счистили траву до земли, поправили холмики. И когда, постояв минуту в молчаливом почтении перед могилами, пошли домой, Вениамин вздохнул:

— Теперь с чистой совестью можно и в магазин заглянуть.

— Меня в расчёт не бери! — заранее отказываясь от выпивки, сказал Сухов, зная, что после обеда пойдёт с Наташкой за грибами.

— Как хочешь, а я родителей помяну. Такой порядок!

Уж неизвестно, кто устанавливал этот порядок в Подлипках, но, похоже, Вениамин сам для себя установил, и Сухов был не вправе ни запрещать, ни поощрять.

К обеду он разогрел вчерашний суп, отварил картошек, порезал огурчиков с помидорчиками. Успел вовремя, к возвращению пьяненького хозяина. А тот, только появился, сразу сделал замечание:

— Сергеич, не смотри на меня так! Имею законное право помянуть родителей!

— Я разве что сказал... Садись к столу — будем обедать.

— Вот это правильно... Пообедаю и пойду спать — мешать тебе не буду!

После обеда Вениамин действительно отправился на боковую, а Сухов убрал снедь в холодильник, переоделся в походную одежду: сапоги, куртка, берет на случай дождя. Взял пакет и складной ножик, вышел в палисадник. Присел, дожидаясь Наташку, а глядь — она сама бежит, с извинениями подступила:

— В школу вызывали, я быстро соберусь...

Через десять минут они вышли на пажить, за которой виднелся лес, но туда не пошли. Наташка повела в сторону, пояснила:

— В старом лесу никаких ныне грибов... Мы на Мокрое поле пойдём, которое у реки. Поле это не пашут лет восемь, берёзы с руку выросли, а грибов там — хоть косой коси!

— А что же косу-то не взяли?! — улыбнулся Руслан, пытаясь настроиться на непринуждённый разговор.

— Нам и ножика хватит!

Пока шли, Наташка успела о многом расспросить Руслана о нём самом, хотя ранее её это будто не касалось: женатый ли, есть ли дети, с кем живёт. Руслан рассказал всё как есть и не мог понять, как она отнеслась к его откровениям. Сам же ничего спрашивать не стал, потому что почти всё знал о ней от Вениамина.

В нём ещё какое-то время вились мысли, а потом он позабыл обо всём, когда они вошли в редкий берёзовый молодняк, перемежавшийся густыми купами осинника и пушистыми сосёнками, где стали попадаться такие прелестные подосиновички, с палец величиной и нераскрывшимися шляпками, что Сухов чуть ли не кричал от удовольствия. Со времён детства он не видел столько грибов, даже не верилось, что они могли быть в таком количестве. Понаблюдав за Суховым, Наташка улыбнулась:

— Я же говорила! За ночь успели вырасти. Завтра ещё больше будет!

Вперемежку с красноголовыми «солдатыками» попадались серые подберёзовики, и свинушки жирно пластались на травянистых полянках. Очень скоро собирали Наташкину корзинку, пакет, прихваченный Русланом, и теперь можно было возвращаться.

— Давайте сперва грибы переберём! Место освободится, тогда ещё поищем! — предложила Наташка. — Вот здесь можно! — указала она полянку среди тонкоствольного осинника.

Сухов расстелил на траве ветровку, и они, усевшись, неожиданно оказались так близко друг к другу, что он чувствовал, как она мелко подрагивала, словно касалась оголённого телефонного провода. Они высыпали грибы и начали перебирать. Работали не спеша, и чем меньше оставалось грибов, тем медленнее.

Когда Сухов наклонялся, то невольно прислонялся к Наташке, чувствовал её мягкие овалы тела. Она казалась такой нежной, что хотелось обнять её, поцеловать. Он так и поступил, когда они перебрали грибы. Сперва поцеловал вскользь, а потом по-настоящему: долго, крепко, отчего она шумно задышала, чуть не задохнулась.

— Пойдём ещё грибы собирать! — сразу перешла она на «ты» и поспешно поднялась с ветровки, словно застигнутая кем-то. И не смотрела в этот момент на Сухова.

Они побродили среди зарослей и, добрав корзинку, почти молча возвращались в село. Почему-то слов не находилось, или все успели выговорить. Сухов понимал, конечно, от чего появилась юношеская неловкость, и теперь нужно было какое-то особое слово или поступок, чтобы забыть недавний поцелуй и неожиданное волнение. Но как вернуть лёгкость и непринуждённость в разговоре, как сделать такой вид, что будто ничего не произошло, — это теперь казалось невыполнимо.

— Чего сейчас делать-то будешь? — всё-таки спросила она, когда вернулись в село.

— Не знаю... — отозвался Сухов. — С грибами надо бы разобраться.

— Это моя забота! — сразу с прежней упругостью в голосе охотно сказала Наташка.

И Руслан подхватил её интонацию и так же живо предложил:

— Тогда воды принесу для грибов...

— Это не возбраняется, — улыбнулась она.

Он дважды сходил за водой, Наташка замочила грибы в большом пластмассовом тазу и начала перебирать, перекладывая в эмалированную кастрюлю. Сухов предложил:

— Чтобы не маячить перед тобой, пойду посмотрю, чем Вениамин занимается...

— Сходи... — неопределённо отозвалась Наташка.

Вениамина он застал лежащим на кровати поверх одеяла. Подложив под голову руки, он не спал и встретил появление Сухова, не скрывая насмешливого выражения:

— Ну и где грибы?!

— Наташка занимается... К ужину будут готовы. Зря с нами не пошёл!

— Чего мешать...

— Грибов бы всем хватило! — Сухов притворился, что не понял егинской подковырки.

— Да ладно... Проехали, — ухмыльнулся Вениамин, намекая о бесполезности разговора. — Надо бы к ужину картошки начистить! Сделай доброе дело, а я ещё поваляюсь. Сил чего-то нету.

— Запросто... — легко согласился Руслан, понимая, что хозяин находится в сильном похмелье.

Сухов начал греметь посудой, ещё раз сходил за водой... Когда, возвращаясь от колодца, шёл мимо Наташкиного дома, увидел, что она стоит у окна веранды и смотрит на него, почти незаметная за тюлевыми занавесками... Эта случайная картина взволновала даже сильнее, чем поцелуй, и Сухов понял, что всё это просто так не закончится. А вот как — пока неясно.

Чтобы уж совсем не заморачиваться, он принялся чистить картошку и старался гнать волнующие мысли, которым теперь, казалось, не было конца. Он начистил полведра и не знал, зачем им столько. И тогда решил отнести часть соседке; пока та возится с грибами, ей не до этого. Так и сделал. Отсыпал картошку в попавшуюся кастрюлю и пошёл к Наташке. На веранде её не оказалось, тогда приоткрыл дверь в дом, окликнул... Она вышла, удивлённо посмотрела.

— Вот картошку принёс...

— Проходи, жених! — усмехнулась она, а он закрыл уличную дверь на задвижку.

— Это-то зачем? У нас днём никто не закрывается!

— Так спокойнее, — смущённо сказал он и подтолкнул Наташку в дом, в котором сытно пахло варившимися грибами.

Она внимательно посмотрела Руслану в глаза и сама же смутилась, покраснела, словно хотела что-то сказать, но не посмела... Сухов не понял, в какой момент начал целовать её, а она, сперва слегка отстраняясь, вдруг по-настоящему прильнула к нему. Они нашли приют в маленькой спальне и, не успев разобрать кровать, почти упали на неё, и никто в этот момент не смог бы удержать их взаимный порыв.

Сухов пришёл в себя лишь от её возгласа.

— Грибы убежали — всю плиту теперь изгваздали! — вскрикнула она и сразу же перекинулась через него, собрала разбросанную по

стульям одежду и пристыдила: — Отвернись, чего уставился-то?!

Её вопрос прозвучал так комично, что Руслан, успевший к этому моменту немного отдышаться, рассмеялся, а она, вернувшись из кухни, укорила:

— И чего же мы с тобой наделали-то?! — и прильнула к нему, а он рассмеялся. Но она не приняла смеха, грубовато поторопила: — Вставай, а то Вениамин обо всём догадается!

— Дался тебе этот Вениамин!

Сухов не спеша оделся, отправился следом и шутиливо попытался оправдаться:

— Я больше так не буду!

Но она всё повернула по-своему:

— Нет уж... Оскоромился — женись! А ты как думал?

— Да хоть сегодня свадьбу сыграем — я человек свободный!

— Погоди, «свободный человек», сперва грибы доварить надо. — Она осторожно вышла на веранду, тихо вернулась, шепнула: — Вениамин на крыльце сидит, головой туда-сюда вертит — тебя потерял... Уходи через сад, а потом в проулок выйдешь! Мне лишние разговоры не нужны. И так бог знает что обо мне сплетают.

Наташка осторожно провела Руслана через сени во двор и, приоткрыв ворота, подтолкнула:

— Прямо по тропинке иди... Я потом взгляну, грибов принесу...

Через сад Руслан вышел на пажить, а оттуда завернул в проулок и вскоре оказался перед крыльцом, чем немало удивил Вениамина.

— Откуда это?

— Прогуляться ходил...

— Ой ли... Видок помятый... Давай колись: где был?!

— Где был — там нет меня...

Вениамин лишь хмыкнул.

Сухов прошёл в дом, налил из чайника воды, причмокивая от удовольствия, напился. Вспомнилась Наташка и всё, что произошло между ними. «Надо же, — ухмыльнулся он, — не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь!» В другом случае он поделился бы хорошим настроением с Египным, но о Наташке при нём нельзя и полслова сказать, потому что до конца не выяснил их отношений. Почему-то казалось, что он всё-таки равнодушен к ней, но скрывает чувства.

Как Сухов ни размышлял, а дело делал, потихоньку собирая на стол. Даже картошку поставил варить, решив, что к тому времени, когда она сварится, грибы будут готовы. И верно: вскоре появилась Наташка и поставила кастрюльку на стол, радостно сообщила:

— Вот, ребята, самая закуска — жареные грибы с лучком!

— Тогда с нами садись. Рюмашку хлопнешь!

— Нет, Вениамин, ты же знаешь — я равнодушная к этому. А грибов я себе оставила, не сомневайтесь.

Озорно крутнувшись, она ушла, а Сухов слил воду из картошки и выложил её, дымящуюся паром, в тарелку. Грибов наложил в миску. Указав на кастрюльку с грибами, Вениамин усмехнулся:

— Как же она у Наташки оказалась?

— Да, наверное, спьяну отдал и не помнишь теперь...

— Всё я помню. Зачем к Наташке ходил? А?

— Картошку отнёс в этой самой кастрюлке... Она грибы чистила, а я картошку. Разделение труда! Разве непонятно?

— Молодец, Сергеич, вывернулся! А выпить-то у нас маловато — полбутылки осталось, да и та Наташкина.

— Ну и хватит нам. Много-то зачем.

— Это правильно... Надо немного тормознуться. Завтра не грех бы в райцентр съездить — налоги заплатить. А то с опухшей мордой поедешь — права отберут. Потом бегай за ментами!

— Это точно. С ними лучше не связываться!

Сухов всё-таки разлил водку по стаканчикам, сказал:

— Под грибки! — и выпил, подцепил упругую шляпку от подосиновика. — Вкуснота!

Перекусив, разлил остатки, чем удивил хозяина.

— Ты-то чего разошёлся? То силком не заставишь, а то не успеваешь наливать!

— А что! Мало будет — ещё сбегает.

— Вот и сбегай! Чего вечером маяться.

Сухов понял, что он просто обязан сходить за бутылкой, потому что у Вениамина сейчас желание послать за выпивкой именно его. А если не пойдёт, обида появится, которая неизвестно во что может вылиться, если Вениамин заподозрит в жадности.



Из магазина Сухов вернулся с двумя поллитровками, а к ним набрал колбасы, сыра, помидоров, хлеба — полный пакет еды. Не забыл и шоколадку для Наташки. Одну поллитровку спрятал на видном месте — перед крыльцом, поставив её в густой куст флоксов. Именно так поступал его отец, когда не хотел слушать ворчание матери. Приём проверенный: прячь на виду и никто не найдёт, не догадается.

Шоколадку отдал чуть позже, увидев, как Наташка пошла к колодцу. Она взяла, улыбнулась, загадочно спросила:

— Чего вечером делать будешь?

— Пока не знаю... Всё от Вениамина зависит.

— А то приходи, телевизор посмотрим...

Он пообещал прийти, а сам не знал: удастся улизнуть или нет. К тому же Вениамин никак не отреагировал на бутылку, а когда Сухов напомнил о ней, подозрительно укорил:

— Нечего меня спаивать... Завтра в райцентр поеду!

Сухов не стал уговаривать, лишь, немного покрутившись перед хозяином, сказал:

— Пойду к соседке схожу — грибы надо помоч перебрать!

— Иди-иди! Быстро ты с ней снюхался! — ревниво сказал Вениамин. — Ночевать-то придёшь или до утра будешь заниматься грибами?!

— Приду, куда я денусь... Дверь не запирай...

Сухов ушёл, а после его слов в душе Вениамина всё перевернулось. словно кто-то вошёл в неё без спроса, наследил и теперь шастает туда-сюда, продолжая гадить. И нет сил выгнать его. Ведь этот «некто» сросся с Русланом, которого сам же пригласил, почему-то забыв в тот момент о Наташке. Вениамину всегда казалось, что она с детства принадлежит только ему, даже и тогда принадлежала, когда вышла замуж. Всегда она оставалась своим человеком, хотя Вениамин и ругался с ней, обзывал, бывало, по-всякому. И рад был вытравить её из души, а не удавалось, и с ней всё не так, как надо. Помнится, когда демобилизовался, то пытался провожать из клуба, но от этого их отношения никак не развивались. Она и проводы-то не считала настоящими, а так: она идёт домой, и он рядом с ней по-соседски, хотя однажды, когда был выпивший, поцеловал в гу-

бы, за что получил оплеуху. Он обхаживал её по-взрослому, а она не представляла его своим женихом, не могла даже подумать, что в будущем может выйти замуж за Вениамина. Это же Веник: сосед, товарищ, приятель! А он не мог ей объяснить, что относится к ней совсем не по-приятельски, не умел говорить красивыми словами. Пожив в Подлипках после армии года два, он так и не добился Наташкиного внимания, уехал в Москву, поступил в училище полиграфистов, а через полгода женился. И какое-то время не ездил в Подлипки, а приехал однажды — Наташка уж выскочила замуж. Тогда и подрался с её мужем, и срок получил, тем самым отдалив себя от неё на недостижимое расстояние. После отсидки редко ездил домой, а когда утонул её муж, зачистил. Как отпуск или большой выходной — мчитя на родину. И жена ему не указ. Скажет: «Дачу просила? Получила! А мне не мешай. Я без Подлипок жить не могу!» Всегда ездил один. Только в этот раз какое-то затмение нашло: пригласил соседа. Пригласить-то пригласил, а его ишь в какую сторону занесло. Немыслимо даже подумать! И не знаешь, что сказать, как остановить. А он словно ничего не замечает — прёт напролом, будто баб никогда не видел. Вот и сейчас: усмехнулся и был таков!

Сухов же, когда Вениамин был предупреждён, смело пошёл к Наташке. Миновав веранду, которую вновь не забыл закрыть, и сени, спросил разрешения войти в дом и услышал в ответ радостный голос:

— Заходи... Давно жду...

Всё так и случилось, как предугадывал Сухов. Никакими грибами они не занимались и телевизор не смотрели. Они даже целоваться не стали, а сразу улеглись и забыли обо всём на свете... Уже в темноте немного успокоились, а Наташка глубоко вздохнула, осторожно спросила, словно боялась ответа:

— Надолго приехал-то?

— Собирались на две недели...

— Тогда ещё ничего... — она вновь вздохнула.

— А то всю душу перевернул... Уедешь, а я опять одна останусь. Вениамин совсем запозорит.

— У тебя с ним что-то было?

— Никогда. Даже и намёка не делал.

— Тогда и не переживай. Нет причины.

— Всё равно как-то не по себе. И за тебя волнуясь: как бы не подговорил дружков, а те могут подкараулить и тумачков навешать! Они ведь из тюрем не вылезают, на всё способны! Они и мужа моего сгубили. Всем говорили, что он на охоте утонул, а как он мог утонуть, если на охоту в тот день не ходил... — Наташка хотела сказать в подтверждение своих слов о том, что ружьё до сих пор у неё хранится и патроны к нему, но сдержалась.

— Перестань... Неужели он для этого пригласил?!

— Он не думал, что всё так получится!

— Теперь уж поздно о чём-то говорить. Мы же свободные с тобой птицы, что хотим, то и делаем.

— Всё равно будь осторожным. У нас так не принято!

— А как принято: и сам не ам, и другим не дам?! А если у нас чувство? Если мы нужны друг другу? Не думала об этом? И вообще, я, может, отсюда вместе с тобой уеду. Поедешь в Москву? На работу устроишься в детский садик. Ведь ты же воспитатель?!

— Да, техникум окончила.

— Вот видишь... А сейчас в больших городах воспитателей не хватает. Поработаешь несколько месяцев, а потом решишь, что делать: уехать или остаться. Останешься — распишемся! Ты не против?

— Какой скорый! — она поцеловала его в щёку и залилась слезами. И было не понять: то ли от радости плачет, то ли от нереальности услышанного. — Не будем загадывать. Иди к себе и за грибами теперь один ходи. Нечего вдвоём мелькать, Вениамина дразнить.

Сухов, конечно же, не послушал Наташку и выбрался от неё в тот ранний час, когда поздний августовский рассвет лишь выплывал вместе с солнцем из розового тумана. Поцеловался на прощание в сенях и тихонько вышел на крыльцо. Из палисадника шагнул в росную траву, глядь, на соседнем крыльце Вениамин сидит. Подошёл ближе — бутылка на лавке, огурец обмусоленный...

— Появился?! С вечера тебя жду!

— Зачем пьёшь-то? В райцентр ведь собирался, — укорил и напомнил Сухов.

— Нечего там делать... Наташка заплатит. Всё равно документы у неё. Денег дам, и заплатит.

— Тогда другое дело... — отозвался Руслан и встретился с Вениамином взглядом и столько увидел в его глазах ненависти, что растерялся.

Надо бы как-то обыграть ситуацию, сказать что-нибудь смешное, позубоскалить, но у Руслана не хватило сил на это, словно язык прикипел к нёбу, да и не хотелось лебезить и оправдываться. Сухов быстро забрался в постель и сделал вид, что сразу уснул. А самому не спалось от мыслей о Наташке, от обвала чувств. Но кто же знал, что сложится такое отношение. Вениамину сразу бы сказать: «Она хотя и свободная, но у нас с ней свои разборки!» Тогда бы и мыслей никаких. А то: «глупая», «мужа не может найти!» Опять же в прошлом году каверзу устроил, у магазина неизвестно что наболтал о ней. Вообще-то за такие дела по морде бьют. А за неё заступиться некому, вот и распоясался соседка, начал гадкие сплетни распускать. Понятно, что это неспроста, от равнодушия это всё. А того не понимает человек, что подобной «заботой» он лишь унижает её. А она даже бутылку принесла, чтобы хоть как-то откупиться, а ему всё неймётся, всё чем-то недоволен.

Сколько ни думал Руслан, ворочаясь с бока на бок, но ничего определённого не решил. Не мог понять до конца ни Вениамина, ни Наташку, но пришёл к простому выводу: значит, между ними было что-то такое, что связывает их. Это остаётся тайной для окружающих и, наверное, навсегда останется. Поэтому никто никогда не узнает об этом, и нечего допытываться. Есть такие моменты в жизни каждого человека, о которых не обязательно знать другому, даже вредно.

Под бесконечные размышления Сухов всё-таки заснул, а проснулся от толчков: кто-то тряс за плечо. Глаза открыл — Вениамин криво усмехается. Да выбритый стоит, будто собрался куда-то ехать.

— Вставай! — приказал он, словно выгонял на расправу. — Гости пришли!

Сухов посмотрел на часы: половина второго! Немного посидел на кровати, разламываясь, а потом резко поднялся, заправил одеяло и вышел на веранду. Действительно, стол был

накрыт, а на столе вчерашние грибы в сковороде, грубо нарезанная колбаса, ветчина, помидоры, а в середине бутылка и стаканчики перед гостями.

– Присаживайся! – указал Вениамин на свободное место.

– Погоди, умоюсь, а то фейс кривой со сна! Вернувшись от умывальника, Руслан радостно прихлопнул ладонями:

– Вот теперь совсем другое дело! В честь чего праздник?

– Отходную друзьям поставил... Сегодня уезжаем. Жена позвонила – ногу сломала. В больнице лежит.

– Неприятность, конечно... – печально отозвался Руслан, всё-таки не поверив хозяину; и сразу мысль о Наташке.

– Да не верь ты бабе! – засомневался Михаил. – Знает, что за воротник здесь закладываешь, вот и придумала. Приедешь, а она дома сидит, ещё и посмеётся над тобой.

– Сыну позвони, уточни! – подсказал рыжеватосивый Жора, сменивший майку на куртку защитного цвета и ковырявший спичкой в зубах, отчего синие «перстни» на пальцах так и мелькали перед глазами Руслана.

– Звонил, он подтвердил, тоже просил приехать.

– Ему трудно, что ли, с матерью побыть?! У тебя ведь охота срывается.

– Он метростроевец, а они сейчас две новых станции сдают – без выходных работают. Так что от него помощи не дождёшься. Хочешь не хочешь, а надо валить отсюда.

Сухов сперва думал, что Вениамин всё это разыграл, чтобы подурочить, но когда он даже не прикоснулся к выпивке, то понял, что не шутит. И, встретившись с жёстким взглядом трезвых злых глаз, Сухов догадался, что он собрался из-за его ночевки у Наташки, не может простить. Поэтому и наврал о жене.

Мыслей своих Руслан, конечно, не выдал и решил выпить вместе со всеми, если уж такой обвал получился. Выпил, закусил, мужики загалдели о чём-то своём, а у него в мыслях только Наташка. Как-то всё несуразно выходило, обидно. Он вдруг понял, что успел привыкнуть к ней за считанные дни, и все эти дни казалось, что их встреча была заранее кем-то зага-

дана – так легко и просто он сошёлся с ней. Они оба, наверное, давно готовы были к этой встрече, и не их вина, что оказались в зависимости от случая. «Ладно, – попытался Руслан успокоиться, – в гости приглашу. Приедет в Москву, тогда и решим, как дальше жить. Уж там-то нам никто не посмеет указывать!»

Говорили они за столом неторопливо, вели себя вольготно, особенно Михаил с Жорой, зато Вениамин начал нервничать. Пока гости пили водку, он через силу кружка за кружкой хлебал чай, чтобы выгнать остатки хмеля. Даже по совету Жоры пожевал зубок чеснока.

– Ну и как, понравилось у нас? – испытующе спросил Михаил у Руслана, разливая остатки.

– Нормально, – отговорился Сухов. – Я привычный, сам из деревни родом. – Он думал, что Михаил спросит что-нибудь о Наташке, но тот и полусловом не упомянул о ней. Это понравилось. Значит, не сплетник. – Давайте выпьем!

Они выпили, закусили, потянулись за сигаретами, а Руслан вспомнил о припрятанной бутылке. Прошёл к цветам, а когда поднимался по ступенькам крыльца, увидел, что Наташка зовёт к себе. Пошёл не сразу, сперва сказал гостям:

– Погодите курить... У нас ещё одна есть! – и выставил на стол поллитровку. – Разливайте, а я пока отойду.

Руслан заглянул к соседке, тихо спросил:

– Чего звала?

– Ты поаккуратнее с ними... Они такие... Коснись чего – мать родную не пожалеют! В селе говорят, что и муж-то мой утонул из-за них, чего-то подстроили ему!

– Ладно, потом! – отмахнулся Сухов и вернулся к столу.

Но выпили они лишь по рюмке, когда Вениамин, не церемонясь, приказал:

– Всё, братва, засиделись. Нам с Русланом пора, некогда шашни разводить!

Гости послушно поднялись, а Вениамин напомнил:

– Бутылку с собой забирайте. Потом допьёте! – И посмотрел на Руслана: – Не против?

– Мне хватит, а парням не помешает.

Гости ушли, а они отключили газ, убрали в кла-

довку баллон и начали выносить к машине сумки с вещами. К ним вышла Наташка, вцепилась в рукав Руслана, сказала, заглядывая в глаза:

– Ты-то чего уезжаешь? Пожил бы...

– Не могу... Вместе приехали, вместе надо уехать!

Она, скукожившись, торопливо ушла в себе, а Руслан от её слов, взгляда совсем разволновался. Глянул, а она затаилась на веранде. И он не выдержал, пошёл к ней, а она прижалась, молчит и вздрагивает.

– Ну чего раскисла? Будем перезваниваться. В каникулы ко мне приедешь.

– Не уезжай, пожалуйста! У тебя ещё три недели отпуска!

– Вениамин не поймёт. Он и так косится на меня.

Она отвернулась, вырвалась из его объятий и убежала в дом. Он же стоял словно окаменевший. Но недолго. Резко развернувшись, вышел с веранды, взял из машины сумку и сказал подошедшему Вениамину:

– Езжай один. Я остаюсь!

– У кого? – растерянно спросил Егин.

– У соседки, если ты, конечно, не против!

– Пользуйся моментом. Авось она не жена мне! – внешне равнодушно, как о нестоящем, сказал он и задвигал желваками.

– Тогда до встречи в Москве! А я пока за грибами похожу – у меня своё сафари, грибное!

Вениамин отвернулся, накинул замок на дверь дома, сказал «пока» и сел за руль «Нивы». Через минуту и след его простыл. Руслан постоял-постоял и пошёл в соседний дом. Наташки на веранде не было. Он постучал о косяк, приоткрыл дверь в комнату и окликнул:

– Наташ, это я...

В один миг она оказалась рядом и прижалась к нему и ничего не могла произнести из-за трясушки во всём теле. Они стояли и молчали. Первой всё-таки встрепенулась хозяйка.

– Располагайся... – сказала она, глубоко вздохнув.

Он принёс с веранды сумку, улыбнулся:

– Вот и всё моё приданое.

Он вновь подумал о Вениамине, пытаясь отгадать, что встрепенуло его, заставило моментально переменить планы и забыть об охоте, о которой так мечтал. «Неужели из-за Наташки?

Если это так, то это глупо, по-мальчишески. Мы же взрослые люди! Мы же...» – Руслан даже слова подходящего не находил, чтобы оценить поступок товарища. Именно товарища. С кем-то другим разве бы стал делить стол и кров.

Рассуждая о Вениамине, Руслан не знал, что он не сразу уехал из села. Перед выездом на трассу тот завернул на соседнюю улицу к Михаилу. Думал, что они с Жорой разбежались по домам, но увидел их под разлатой берёзой, под которой обычно собирались выпивохи. Вениамин позвал Михаила, а потянувшегося за ним Жору осадил:

– погоди, Жорик... Мне с Михаилом надо перетереть...

Тот вернулся под берёзу, а Михаил сел в машину, посмотрел на Вениамина:

– Что за байда?!

– А ты разве не просёк! Гость-то мой у Наташки остался, я ему запаadlo стал. Короче, специально заехал, чтобы по телефону не светиться. Накажите его. Он за грибами любитель ходить. Вот и подкараульте, маслёнка<sup>1</sup> не пожалейте. Да так подгадайте, чтобы стрельба вокруг была – уток пока много! А я поехал – мне светиться теперь необязательно. Если всё получится, не звоните, я и так пойму через некоторое время. Вот вам аванс, чтобы вы тут с Жориком не скучали, – Вениамин отдал Михаилу пятитысячную купюру, – остальные потом!

– Замётано! С другим бы не стал связываться, а ты у нас в корешах ходишь. Тогда разбегаемся!

– погоди! Вот возьми – еды полно осталось!

– Вениамин взял с заднего сиденья пакет и, подумав, добавил: – В общем, в случае чего, заскочил к вам, чтобы хавчик отдать! Усёк?

– А то... – понятно кивнул Михаил.

Выезжая на трассу пустынной улицей, Егин подумал: «Скоро у вас тут шумно будет и весело!» Вспомнил жену, которая очень даже кстати сломала ногу. Хороший повод, чтобы сорваться с охоты. Вот только она о Руслане спросит. Ну что же: так и скажет, что тот попросился к Наташке на постой, чтобы не ломать отпуск. Обо всём поразмыслив, Вениамин даже повеселел. Всё неплохо складывалось, хотя он

<sup>1</sup> «Маслёнок» - патрон.



и не знал, что затеют его дружки, но что-нибудь придумают, они ушлые.

Руслан же, оставшись без Вениамина, ощутил настоящую свободу, столь неопишемую, что, казалось, такой и не было никогда.

— Теперь тебе надо подумать об увольнении... — сказал он Наташке, когда она успокоилась. — А то совсем немного времени осталось до начала учебного года, потом могут сразу не отпустить, заставят отработывать. А так всё по-людски будет. Они заранее подыщут тебе замену, и мы рванём в столицу. Не против?!

— Я-то нет... — улыбнулась она. — Хотя страшно очень!

— А чего страшиться-то! А то так и будем киснуть: ты здесь, а я у себя.

— У вас разве закиснешь. Народу такая прорва. Голова закружится!

— Не закружится. Быстро привыкнешь. Когда пойдёшь заявление подавать?

— Сегодня уж поздно, а завтра с утра директриса должна быть на месте.

— Вот и договорились! — вздохнул Руслан; ему и не верилось, что всё столь легко и просто разрешилось.

Утром Наташка собралась в школу, а он решил прогуляться и набрать грибов. Расставшись у крыльца, Руслан вышел за сад и через пожню отправился в низину, где грибов особенно много. Ему и выстрелы не мешали, один за другим доносившиеся с реки и со старицы. Что они ему, когда у него своя охота, своё грибное сафари.

Наташка же, сорвавшись чуть ли не с места в карьер, около второго проулка застыла, спрятавшись за кустом черёмухи, когда неожиданно увидела Жорика. Сперва даже не узнала его в брезентовом плаще, но даже и не плащ удивил, а то, что он что-то прятал под ним. «На охоту, что ли, отправился, — подумала она. — А если и на охоту, то зачем ружьё-то прятать? — И сразу как ножом кольнуло: — Он же к Руслану пошёл. Расправиться с ним хочет!»

Она сразу вспомнила о ружье мужа, о котором никто не знал, даже участковый считал, что оно утонуло вместе с ним в половодье. А кроме него никто и не спрашивал о нём, а она никому не говорила, даже дочери, что оно хранится у неё за шкафом вместе с полным патронташем,

завёрнутое в тряпки. Не говорила никому и о том, что всегда доставала его и держала наготове, когда приезжал Вениамин, чтобы чувствовать себя защищённой. И вот теперь, когда он уехал, а Жорик отправился в лес, куда сроду-то не ходил, она всё поняла, и решение возникло мгновенно: «Надо спасти Руслана!»

Наташка вернулась домой, достала ружьё, проверила, заряжено ли оно, и во дворе, завернув в серую тряпку, привязала его к раме велосипеда вместе с лопатой. На тот случай, если кто-то спросит, куда это она отправилась, придумала отговорку: «На старые огороды, за хреном. Куда же ещё!» Выбравшись на зады своего участка, она никого не увидела — это обрадовало — и, никем не замеченная, через несколько минут скрылась в зарослях, где освободила ружьё, а велосипед спрятала под молодой сосёнкой. Шумная сначала, она почти сразу прониклась осторожностью, не шла, а кралась, почти не касаясь земли. Хотела крикнуть, позвать Руслана, чтобы предупредить об опасности и тем самым спугнуть Жорика. И только так подумала, чуть выглянув из-за густого куста ивы, как увидела метрах в пятнадцати бледного Руслана и почти рядом с ним Жорика, что-то говорившего ему и тыкавшего обрезом в грудь... От увиденного на сердце похолодело. Ещё более похолодело, почти остановилось, когда Жорик отступил на три-четыре шага и взвёл у обрезка курки, продолжая что-то говорить. Она не помнила, как сняла ружьё с предохранителя и нажала на курок... Когда подошла к Руслану, он стоял совсем белый, только губы были почему-то синими, и удивлённо рассматривал Жорика, бывшего в конвульсиях, судорожно трящего рукой с наколками. Потом посмотрел на неё, спросил, разглядывая во все глаза, словно впервые увидел:

— Ты понимаешь, что натворила?

— Понимаю, — спокойно сказала Наташка, хотя всю колотило от испуга, от ужаса. — За мужа отомстила и тебя спасла! Ещё бы секунда, и лежал бы мой Русланчик на его месте. Пошли отсюда.

Они вернулись к велосипеду, Наташка укрепила на раме лопату, а ружьё бросила на плечо, словно бывалый охотник. Когда спустились к реке, она зашвырнула его с обрыва и чуть ли не весело сказала:

– Вот и вся любовь, дорогой мой!

До самого дома он не произнёс ни слова. Лишь перед крыльцом напомнил:

– Ты ведь в школу собиралась...

– Теперь это ни к чему. Так что можешь спокойно ехать в свою Москву, а я здесь останусь.

– Нет, я с тобой!

– Вот это зря. Не сегодня завтра полицейские наедут, скрываться я не собираюсь и на тебя свою вину не буду валить.

– Зачем же тогда ружьё выбросила?

– Теперь и сама не понимаю – зачем?! Стогряча, видно!

Наташка плакала долго, почти беззвучно, он попытался ей что-то сказать, попытался обнять, но она мягко отвела его руку и всё повторяла и повторяла сквозь слёзы:

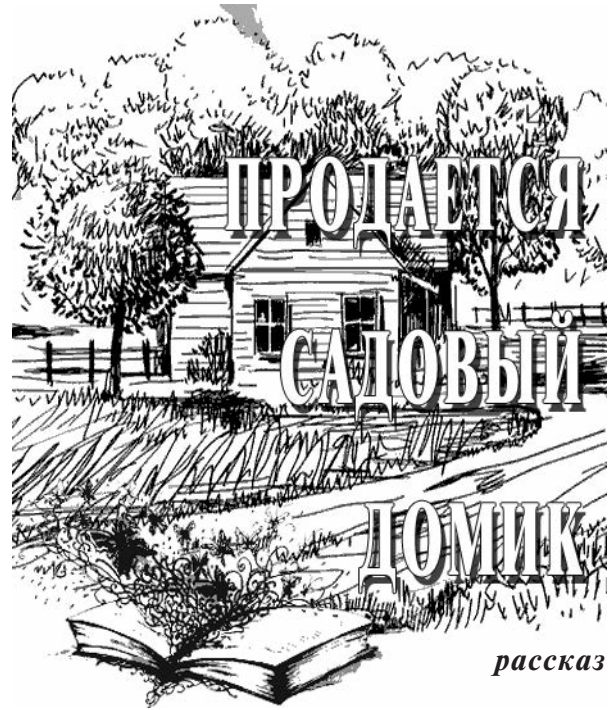
– А ты собирайся, собирайся. – Потом встрепенулась, вздохнула: – Давай поцелую на прощанье.

Она поцеловала, прижалась мокрой щекой к его подбородку, и, как он ни пытался разговаривать её, она лишь нервно улыбнулась:

– Чем раньше уедешь, тем раньше я сдамся.

И он понял, что её не переломить, что все слова, все уговоры ни к чему не приведут. Он лишь пожалел, что вообще зачем-то приехал сюда. Зачем-то связался с Вениамином, с этой непонятной Наташкой. Он собрал сумку, поцеловал её в лоб и, ничего не сказав, чувствуя, как всего трясёт, отправился за село на шоссе.

Вокруг Подлипок по-прежнему громыхали выстрелы. Сафари продолжалось. Даже не мешала вдруг разразившаяся гроза, редко приходившая по утрам.



рассказ

На это надо было решиться, и она решилась, когда душа налилась всклень и перестала вмещать слова, копившиеся несколько лет. Казалось, ещё немного – и она расплещется попусту, раскачавшись на житейских колдобинах. И пусть слова были записаны на бумаге, сохранены в компьютере, но всё равно они казались беспризорными, каждое само по себе, хотя отдельные их пригоршни были объединены названием, темой. И каждая из таких виртуальных пригоршней называлась стихотворением.

У Вари Кузякиной их накопилось много, они давно просились в книгу, но денег, чтобы её издать, не было. И тогда она надумала продать садовый домик, хотя мама противилась. Но если Варя что-то решила – её не удержать. Поэтому подала в газету такое объявление: «Продам ухоженный садовый домик в районе проходной чугунного завода за 25 тысяч рублей. Земли четыре сотки».

– Может, всё-таки садовый участок? Так обычно пишут?! – уточнила кареглазая девушка с наушниками на шее, принимавшая объявление.

– Ну и пусть пишут, что хотят. А я хочу, чтобы было красиво и романтично. А то от «участка»

сразу карболкой и пьяными мужиками запахло.

— Вам виднее... — пожалла меломанка плечами.

— Вот именно! — уточнила рыжая и взъерошенная Варя и добавила: — А своё мнение оставьте при себе и делайте то, за что вам деньги платят!

Она всегда была резкая, обидчивая, особенно когда накрывало несправедливостью. Случай с объявлением, конечно, мелковат для душевной бури, но всё равно стало немного не по себе. Она только-только от спора с матерью-пенсионеркой отошла, целую неделю её уговаривала, когда убрали картошку и яблоки, что, мол, пора домик продавать. Раньше-то мама сама всё делала, а теперь постарела, погрузнела — какая картошка, если шнуры на туфлях завязать не может. Да и она, Варя, не железная, чтобы возить картошку домой в рюкзаке. А уж сколько таких ходок сделала за две недели! Не сосчитать! И с яблоками то же самое. Так что пришла пора подумать о продаже, тем более теперь, когда вбила себе в голову сумасшедшую идею о собственной книге.

Кузякина пристрастилась к сочинительству всего несколько лет назад, хотя была в том возрасте, когда у некоторых её одноклассниц дочери вышли замуж. А Варя — бездетная, хотя до недавнего времени была замужем, но муж Михаил, работавший водителем, три года назад погиб, провалившись на реке под лёд. Товарищи по рыбалке пытались его спасти — подавали жерди, кидали верёвку, но лёд в полынье обламывался, а сил оставалось всё меньше и меньше... А когда их совсем не осталось, он крикнул мужикам: «Варю не обижайте!» — и, махнув рукой, словно обещая скорую встречу, исчез в полынье. Только и остался на льду рыбацкий сундучок, да серая собачья шапка — долгое время моталась кругами на чёрной воде; речное течение в этом месте сильное, вода, скатываясь с уральских отрогов, продолжала по инерции бесноваться и на равнине.

Приехавший участковый записал показания свидетелей, достал с их помощью рыбацкий сундучок. Его и привезли Варю, а она не сразу поверила в то, что ей говорили. Лишь присутствие полицейского помогло убедить, что земная жизнь Михаила закончилась. Его так и не нашли. Даже в половодье, хотя жители ниже по течению предупреждались.

После гибели мужа Кузякина распрощалась со свекровью и свёкром, так как теперь не осталось терпения жить рядом с ними, и, собрав вещи и книги, перевезла на такси к матери в «однушку», из которой почти двадцать лет назад вышла замуж. Мать не стала дочь ни жалеть, ни советовать ничего. Словно понимала, что словами не поможешь. Да и Варя более отмалчивалась, хотя характер у неё не сахар. Бывало, так сказанёт, что в следующий раз и желания особенного не возникнет о чём-то спросить, а не то чтобы собачиться. С матерью она давно обо всём переговорила ещё в юности, тогда и узнала от неё, заинтересовавшись отцом, что он почти не жил с ними, а когда Варя была крохой, завербовался на Ямал, первое время присылал хорошие деньги, а потом сгинул. Мать подавала в милицию заявление на розыск отца, но его так и не нашли, а может, и не искали, потому что искать кого-то на Севере — гиблое занятие. Так что Варя без отца пошла в школу, потом поступила в медицинский колледж и, отучившись, стала работать медсестрой в процедурном кабинете. За все эти годы она ни разу не поменяла место работы. Её не только все знали в поликлинике, но и в городе. Поэтому она не страдала от отсутствия общения.

Но теперь всё поменялось. Вернее — она сама изменилась. Без Михаила не хотелось никого ни видеть, ни слышать. С ним была ещё надежда родить ребёнка, они даже копили деньги на операцию, но зарабатывали оба мало, поэтому не очень-то они копились. К тому же Михаил частенько выпивал, что и вовсе истощало семейную казну. Варя не ругала Михаила, нет, потому что знала о своей вине перед ним, и даже удивлялась тому, что он продолжал жить с ней все эти тягучие годы. Хочешь не хочешь, а поверишь в то, что он любил свою рыжую Варю с почти азиатским разрезом малахитовых глаз. И вот теперь не стало того, кто любил, и она не знала, что делать, особенно долгими зимними вечерами.

Всё это продолжалось до какого-то момента, когда она увидела во сне, что сочиняет стихи. Даже проснулась. Хотела вспомнить красивые строчки, но они не вспоминались. Следующей ночью приснились ещё несколько, но теперь у неё лежали наготове авторучка и лист бумаги.

Она успела записать четверостишие и потом весь день повторяла его. Вечером дописала к нему ещё одно. Через час — ещё. Прочитала и поняла, что получилось законченное стихотворение. Она сперва обрадовалась, а потом испугалась, побоявшись за саму себя, ведь она рассказала не только о своих чувствах, но и о Михаиле.

Не следующий день сочинила новое стихотворение, через день ещё. Теперь она прибегала с работы и сразу раскрывала заветную тетрадку. Никогда прежде она не испытывала ничего подобного, как в те дни. К стихам она всегда относилась как к чему-то недостижимому, заоблачному, а теперь, когда прикоснулась к ним, испугалась этого прикосновения, будто обожглась. И главное, ожог не проходил, даже если несколько дней не открывала тетрадку, а всё более расплзался, проникал в душу, будоражил мысли и обострял чувства. Она не знала, что теперь делать с собой. Попыталась поговорить с мамой, но та лишь отмахнулась:

— Не канителься, девка! Отдыхать надо после работы, а ты голову забиваешь невесть чем.

— Мам, я и так всю жизнь проспала... — не согласилась Варя.

Она знала, что при местной газете есть литобъединение, и однажды отправилась туда, решив показать сочинения, хотя и страшилась. Но и в себе носить стихи стало невыносимо. Они, казалось, жгли, просились на волю. В литобъединении выслушали, предложили поучаствовать в обсуждении. И как же стало радостно оттого, что она нашла людей, которые, как и она, пишут стихи, эти люди сразу стали близки, симпатичны, их хотелось слушать и слушать.

Когда обсуждение стихов раскрасневшегося от критики мужчины средних лет завершилось, Кузякину попросили что-нибудь прочитать для знакомства. Едва она раскрыла тетрадку, расписанную на полях зайчиками и белочками, и начала, запинаясь, читать, потому что в стихах было много поправок, то многие оживились, словно увидели человека из каменного века. Она это сразу поняла и растерялась, успев заметить, что улыбки были на лицах только в самом начале, а потом сменились вниманием, даже интересом и... завистью.

— Достаточно на сегодня! — остановил Варю

Илья Борисович — руководитель литобъединения, похожий в очках с толстыми линзами на весеннего тощего грача. — Думаю, со мною многие согласятся, что стихи Кузякиной вполне профессиональны, и на ближайших занятиях мы их обсудим по-настоящему. Но для этого, вы уж извините, вам всё-таки надо представить их набранными на компьютере и распечатанными хотя бы в трёх-четырёх экземплярах. Тогда мы их пустим по кругу, назначим оппонентов. На ближайшие два заседания у нас есть претенденты для обсуждения, а вас запланируем на третье, то есть через полтора месяца. А пока не забывайте дорогу к нам, тем более что вы теперь человек заинтересованный.

Варя согласилась с предложением, поблагодарила, а пока возвращалась на автобусе домой, переполошилась, даже испугалась, зная, что предстоит читать стихи, которые она писала в память о Михаиле, только белому листу доверяя всё самое сокровенное. И теперь это всё предстояло отдать на прочтение чужим людям.

На следующий день она позвонила руководителю студии и сказала:

— Илья Борисович, я, наверное, всё-таки откажусь от обсуждения...

— Почему, Варвара?

— Потому что стихи очень личные и мне страшно их читать.

— Они не матерные, надеюсь?

— Нет, что вы...

— Тогда и бояться нечего. Это ложный стыд. Должен вам сказать, что для творца выражение самого себя, своей сущности — это естественное состояние. И чем автор искреннее в своих чувствах, тем вероятнее услышать от него что-то свежее, настоящее. Так что забудьте о страхе. Всё будет хорошо.

И Варя поверила. Предварительно набрав на компьютере несколько десятков стихотворений, распечатав в поликлинике в трёх экземплярах, она отдала их на следующем занятии на прочтение. Через месяц её стихи действительно обсудили, разобрали по предложениям, словам, даже до запятых добрались. И... разгромили в пух и прах. Пока изощрялись, она решила: «Всё, более ни ногой сюда! И вообще навсегда забуду о стихах!»

Находясь в разбитых чувствах, она не пошла



на очередное занятие объединения. И в тот же вечер позвонил руководитель, строго спросил:

– Варвара, в чём дело? Почему вы не пришли сегодня?

– Илья Борисович, мне у вас более делать нечего, если мои стихи ничего не стоят. Вы же сами слышали, как их ругали!

– Наивная... А знаете ли вы, Варвара Кузякина, что ваши стихи на следующей неделе появятся на страницах городской газеты с моей врезкой! Это вам ничего не говорит?! Знаете ли вы, что даже лучшая половина из тех, кто вас критиковал, не стоят вашего поэтического мизинца! Так что возьмите себя в руки и продолжайте работать!

– Это правда, что напечатают?! – не поверила Варя.

– Правда, правда... Вы даже не понимаете, какая вы находка для нас, для всего города... Не сомневаюсь, что со временем найдётся меценат и поможет издать книгу.

Варя только вздохнула.

– Буду считать ваш вздох за согласие!

Стихи Кузякиной действительно опубликовали в газете, потом в нескольких московских журналах, да и она сама, купив компьютер, стала размещать стихотворения в интернете. И если в литобъединении её продолжали ругать и шпынять, то на интернетовских сайтах всё больше появлялось добрых и приятных отзывов, и она вдруг поняла, что у неё множество поэтических поклонников. Это радовало. Но всё равно стихи оставались рассыпанными, собранными лишь в пригоршни, словно сиротинки, а меценат всё не находился. И в какой-то момент она поняла, что необходимо самой издать сборник. Пусть небольшой. Главное, что у неё будет книга! И пусть говорят, что книги теперь перестали читать, но так говорят те, кто не читает, а кто читает, тот никогда подобного не скажет. А книгу она посвятит Михаилу, только ему, потому что она давно рассказала в стихах, как любила его и как продолжает любить.

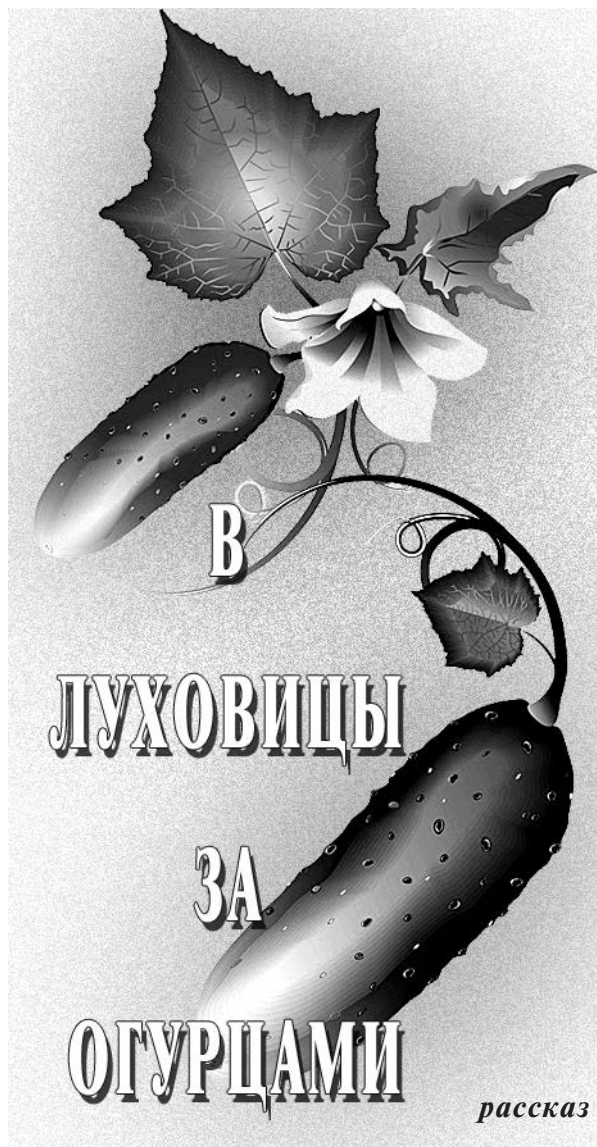
И тогда она пошла в газету, подала объявление, а потом попросила извинения у Михаила, словно он был живой и всё знал. Ведь, продавая домик, она словно продавала память о муже, ведь именно в этом домике у неё с ним началась настоящая любовь. А закрутилась она с шутки,

почти с розыгрыша. Как-то весной мама, работавшая на чугунном заводе крановщицей, дала задание: «Когда придёшь из школы, вскопай две грядки под лук!» Варя начала отговариваться, ссылаясь на близкие выпускные экзамены, но та была непреклонна. Спорить с ней бесполезно. А чтобы самой не копать, Варя сообразила позвать с собой Кузякина из параллельного класса, который давно неровно дышал в её сторону. А тот и рад стараться. Высокий и нескладный, он за час вскопал грядки, граблями оформил их – всё как положено. Пока копал, она болтала с ним, а после вскипятила чайник. После того чая Миша зачастил. А потом, когда они окончили школу и Варя успела сдать экзамены в медицинский колледж, они даже оставались ночевать в домике. Мать ругалась, обзывала по-всякому и не знала, что до Михаила у дочери был другой помощник в дачных делах. От него Варя после девятого класса сотворила ужасное, еле уговорила знакомую из колледжа... А с Мишей, чтобы мама не бранилась, они той же осенью расписались. Так что всё было законно. И стала ездить Кузякина на учёбу с другого адреса, потому что муж забрал её к себе и никогда не укорял, что жена не могла родить. Терпел, отшучивался перед родителями и молчал о том, что когда-то копал чужие грядки и чинил крышу на садовом домике.

И вот теперь Варя было нестерпимо жаль продавать этот обветшавший домик, сколоченный когда-то отцом из магазинных ящиков. Обшитый изнутри оргалитом, снаружи он долго пестрел разнокалиберными дощечками, и только незадолго до гибели Михаил отделал его сайдингом, отчего он сразу преобразился. Может, поэтому Варя и продала его быстро. Правда, не умея торговаться, сильно продешевила. Но и тому, что получила, была рада. К вырученной сумме она добавила свои небольшие сбережения, попросила маму немного помочь.

Сказано – сделано. Собрав деньги, Варя отдала их вместе с рукописью в издательство и через два месяца держала в руках сигнальный экземпляр заветного томика, на титуле которого было выведено курсивом: «Посвящается Михаилу, моему мужу».

И кто мог её укорить после этого, сказать, что она неправильно поступила.



**П**осле нескольких сеансов терапии и месячного томления в больнице в конце июля Антон Заходеев выписался в более или менее приличном состоянии: и физическом, и духовном. Подзабылась тревога, портившая жизнь с того момента, когда «загудел» в областную больницу, где более страдал от мыслей, чем от самой болезни. Но теперь, слава богу, всё наладилось. Теперь живи далее и надейся, что привязавшаяся лихманка не вернётся.

В день выписки Заходеев дождался сына, отъезжающего за город, где в последние годы пост-

роили дом и жили в нём круглогодично, особенно он с женой — пенсионеры. Сыну и дочери очень удобно добираться: всего-то десять километров на машине. Вот и теперь, хотя и постояли в небольшой пробке на выезде, а домчались за полчаса. У ворот встречала жена Валентина — загорелая, крепкая. Она обняла мужа — бледного и похudevшего после больницы, поцеловала и прослезилась, сказала негромко:

— Как я за тебя рада! Пошли обедать!

Сын Сергей — копия Заходеева-старшего до его болезни: коренастый, подвижный — отнёс дорожную сумку отца в дом, хотел и самого подхватить под руку, но тот отказался от помощи. Прежде чем сесть обедать, Антон принял душ, расстался, как он сказал, с «больничной тяготиной» и подошёл к столу повеселевшим. Валентина попыталась расспросить, как он провёл дни перед выпиской, но Антон не стал распространяться:

— Нормально провёл. Главное, живым вернулся.

Он мог бы о многом рассказать, но зачем будоражить души. Да в семье и так многое знают, если жена с врачами разговаривала, через день ездила в больницу, через день — дочь Лиза. Да и Сергей навещался. Но это теперь в прошлом.

За столом не засиживались: сыну, работавшему инженером в техническом центре, надо было возвращаться на работу. Он уехал, а когда Антон и Валентина остались наедине, то какой разговор, если всё давным-давно обговорено. Только об огурцах вспомнили: мол, сезон проходит, пора думать о заготовках, но огурцы в это дождливое лето не уродились в их низинной местности. На каждый день самим хватало, а чтобы впрок запастись — и думать нечего. Так что надо ехать в Луховицы. Там известные огородники: что огурцы, что лук, что капусту — всё умеют выращивать.

— А что, отец, немного оклемаешься, и съездим. Нам и надо-то килограммов пятьдесят. Более-то куда их.

— Съездим на днях. Долго ли.

Мысль о поездке взбудоражила Антона, появилась возможность побывать не только в Луховицах, но и заглянуть на родину. Только надо одному, без Валентины, и причина была настоящая. В больнице он встретил одноклассника То-

лю Алексева, приехавшего навестить родственника, от него и узнал о своей школьной любви — Светлане Поздняковой. Узнал, что она теперь вдова, часто вспоминает его, то есть Заходеева... Помнится, после такого сообщения Антон забыл о всех болячках, попросил у одноклассника её телефон и не удержался, позвонил, почему-то подумав о том, что за все годы, прошедшие после окончания школы, так ни разу и не поговорил со Светланой. А очень хотел. Конечно, серьёзного разговора не получилось бы, но всё равно что-нибудь да вспомнили. И было что. Какая же у них закрутилась тогда любовь! Закачаешься! Им даже не хватало тех часов, пока переглядывались в школе, они и после, кое-как выучив уроки, не могли жить друг без друга. Шли либо в кино, либо просто гуляли. При плохой погоде забегали друг к другу в гости, и родители относились к ним как к жениху и невесте. Им оставалось лишь сдать выпускные экзамены, а потом — все пути открыты. Хочешь — женись, хочешь — учись. Антон попытался поступить в институт, но не поступил, домой возвращаться было стыдно — устроился в областном центре на завод, где и отработал всю жизнь станочником, с перерывом на армию. Светлана же и не думала об институте, а сразу пошла в медицинское училище и, окончив его, трудилась в районной больнице медсестрой. И это всё, что знал Заходеев о Светлане. Да, по правде сказать, и не заморачивался особенно её судьбой, потому что обидела она крепко, не дождавшись из армии. Узнав об этом, он долго не раздумывал, женился на подвернувшейся Валентине, работавшей закройщицей в ателье. И прожил жизнь в мире и согласии, почти не вспоминая о Светлане.

Лишь в последние годы почему-то начал думать о ней.

Как приходила очередная весна и воздух наполнялся запахом цветущей черёмухи — всё в нём переворачивалось. Вновь и вновь вспоминалась счастливая пора. В том, что она была счастливой, Михаил и не сомневался, ибо за всю жизнь не чувствовал ничего подобного с Валентиной, которая совершенно безразлична к цветущей черёмушке, даже более того — не любила это дерево, говоря, что на черёмухе гусеницы водятся, липкие паутины выют. У них и отношения были совсем иными, чем со Светла-

ной. С той поцеловаться — уже счастье, а с Валентиной всё проще. Несколько раз побывал у неё дома, и этого хватило, чтобы начать взрослую жизнь. Вскоре они поженились, он перебрался из общежития и был безмерно счастлив. Да и Валентина души не чаяла в Антоне, особенно первое время. Впрочем, она всегда оставалась ровной в отношениях, аккуратной в быту, внимательной к детям — такой, какой и должна быть жена и мать. Вот только пылкости в их отношениях не хватало. Поэтому Антон всё чаще вспоминал Светлану: хотелось увидеться, поговорить. Ничего, конечно, не изменила бы такая встреча, даже, говорят, лучше не встречаться после стольких лет разлуки — ничего хорошего обычно не выходит. Чаще всего человек чувствует себя обманутым, потому что ожидает увидеть первую любовь во всей её прелести, но обычно приходит оглушительное разочарование, и тогда не знаешь, как выйти из щекотливой ситуации. Тотчас уйти — негоже, но и выжимать из себя случайные слова и делать вид, что по-прежнему любишь и очень рад встрече, — ещё неприятнее. Так что, если можешь не встречаться — не встречайся. Об этом все знают.

Несколько дней размышлял Антон, пока понял, что всё-таки должен съездить к Светлане. Для этого и собираться особенно не надо. Как-то вновь позвонил ей, узнал, когда бывает дома, и сообщил Валентине:

— Завтра за огурцами в Луховицы поеду.

— Ой, и я с тобой. А то купишь бог знает что — плохо замаринуются.

— Взял бы с собой — без проблем, но надо заехать в автосервис — поменять амортизаторы. А сколько это времени займет — не угадаешь. Так что оставайся дома. Всё нормально будет.

Валентина подозрительно посмотрела и вроде безразлично отмахнулась:

— Езжай. Только смотри, если в дороге хуже станет — сразу звони.

Отправился он на следующий день. Завёл «пятнашку», только выбрался из дачного посёлка, сразу позвонил Светлане, загадочно спросил:

— Ну что — ждёшь гостя?

Он слышал, что Светлана хотела что-то сказать, сбилась, а потом часто задышала и чуть ли не закричала:

– Жду, давно жду!

– Тогда через час с небольшим буду у тебя!

После таких слов Антон будто на крыльях полетел. Правда, в одном из сёл, увидев магазин, остановился, купил коробку конфет, в соседнем доме попросил разрешения у приземистой, подслеповатой хозяйки сорвать несколько пионов в палисаднике, хотел заплатить, но от денег она отказалась:

– Бери уж так, молодой человек. Вижу, на свидание спешишь!

– Спасибо... – поблагодарил он, не ожидая подобной проникновенности и такого обращения.

Запасшись подарками, он помчался дальше, с каждым километром приближаясь к родному городку, где теперь почти не осталось родных, поэтому лишь раз в год ездил туда с женой. Обычно перед Троицей. Наведут порядок на могилах родителей, проедутся по городку, ставшем чужим, и назад. Он бы мог и сейчас заехать на кладбище, где в прошлом году и для себя застолбил место, но не было времени, да и мысли вились иные: как встретит Светлана, о чём будет разговор, не разочаруется ли. Все эти вопросы не давали покоя до самого места, когда, свернув на знакомую улицу, он увидел ещё более знакомый бревенчатый дом, заросший деревьями, будто почерневший от времени, зато с новыми голубыми наличниками.

Она его ждала на крыльце. Антон остановился, выбрался из машины, прихватил подарок и цветы. Светлана шагнула ему навстречу, и когда он обнял её, то прослезилась.

– Ну и отчего слёзы? – спросил он, улыбувшись, рассматривая её, стараясь найти прежние черты лица. Угадывались они слабо, зато тёмно-серые глаза совсем не изменились, только опушились лёгкими морщинками.

– Да это я так... От радости. Очень хотела тебя видеть. Ты когда мне позвонил первый раз, я себе места не находила. Всё думала: каким же стал Антошка? Повзрослел ли, поседел ли? А ты и не очень поседел. Я-то смотри какая...

Говоря и говоря, она поднялась на крыльцо, пропустила гостя на веранду. В её доме ничего почти не изменилось со времён молодости. Лишь холодильник в углу кухни да плоский телевизор на стене в горнице напоминали о сегодняшнем дне.

– Телевизор сын подарил в прошлом году, но редко его включаю. Я по старинке книги люблю. Наверное, всю городскую библиотеку перечитала. Дети в Москве живут, приезжают редко. Вот я и пристрастилась читать, особенно осенью и зимой, когда на участке работы нет, – рассказывала она, поставив в вазу цветы и доставая из холодильника приготовленное угощение.

Он сел за стол и исподволь рассматривал хозяйку, сравнивая сегодняшнюю с той, прежней. Изменилась, конечно, и говорить нечего. Она и в юности казалась фигуристой, а теперь и вовсе выглядела фундаментально, но без телесных излишеств. Всё по возрасту.

– Ну, а ты как поживаешь? – спросила она и посмотрела в глаза.

– Помаленьку, как говорится. Женат, сын и дочь взрослые, внуки имеются – я же тебе говорил. Так что с этим всё в порядке.

– А я несколько лет назад стала вдовой.

– Ну, это поправимо, – попытался улыбнуться Антон.

– Теперь это ни к чему... Плохо, что тебя из армии не дождалась. Сама не знала, что со мной произошло. Познакомилась с будущим мужем на свадьбе у сестры. Сначала полгода переписывалась, а потом поехала к нему в гости. Там всё и случилось. Только не то, о чём ты, наверное, сейчас подумал. Я себя долго блюла. Даже потом, когда расписались, только через две недели легла с ним спать по-настоящему. А до этого не могла себя пересилить: ты перед глазами стоишь и стоишь, но ничего не говоришь, а лишь укоряешь взглядом. Прямо наваждение какое-то было. Потом, конечно, стала ему настоящей женой, ребёночек родился, другой.

– Вспоминала обо мне хоть иногда?

– Вспоминала, и с каждым годом всё чаще, хотела тебя увидеть. А тут и ты, словно по заказу, объявился.

– Спасибо Толе Алексееву – телефон твой дал... Вот и увидела. Сильно изменился?

– Изменился, конечно. Молодой-то порывистым был, иногда резким, а теперь, вижу, спокойным стал, уравновешенным.

Слушая Светлану, Заходеев ждал от неё вопроса о здоровье, если уж она знает, что он недавно выписался из больницы, но о здоровье она даже не упомянула. Они сидели за столом



напротив друг друга, а ему очень хотелось сесть с ней рядом и обнять, быть может, поцеловать, вспомнить прежние чувства, которые в этот час всё сильнее напоминали о себе. Но он не знал, как это сделать.

Получилось это само собой, когда он попил чаю и перекусил.

— Пойдём в комнату, — пригласила она, — покажу фотографии.

Он охотно перебрался на диван в горнице, а Светлана села рядом и начала листать фотоальбом. Пролитав несколько страниц, она показала фотографию белоголовенького малыша:

— Вот он, мой Андрюшенька. Ему здесь годик... А вот здесь полтора... А вот Настя маленькая.

Рассказывая о фотографиях сына и дочери, она ни разу не показала мужа. Видимо, заранее рассортировала фотографии, и теперь, какую ни возьми, — везде она с сыном или дочерью. Потом появилась сноха, потом маленький внук.

— Сколько ему сейчас? — спросил Антон, устав вглядываться без очков в череду фотографий.

— Взрослый уже. Отслужил в армии, окончил институт, работает. Пока не женат. Как женится и появятся детки, стану я прабабушкой! Даже не верится, что доживу до такого времени. У дочери тоже детки есть. Старшая заканчивает школу.

— У тебя, Света, полный комплект, как и у меня. Действительно, иногда смотришь на детей, и даже не верится, что они такие взрослые. Казалось бы, совсем недавно в детский садик их водили, а теперь у них самих взрослые дети. Вот она, жизнь! — вздохнул Антон.

Светлана положила альбом на стол, а он придвинулся к ней, слегка привлёк к себе, и почудился ему запах цветущей черёмухи, шедший от её волос. От его прикосновения она закрыла глаза, склонилась к нему, и он поцеловал её сперва в щёку, а потом в губы, показавшимися сухими и жёсткими. И поцелуй никак не взволновал, даже показался ненужным. Когда оторвался, то они продолжили сидеть рядом и долго молчали, видимо вспоминая себя в пору юности, потом заговорили так, как будто и не расставались. Помаленьку улетчивалась в Антоне давнишняя обида. Он

вполне простил Светлану, хотя она не просила прощения и, быть может, не нуждалась в нём, а рассказала о себе и муже как о свершившемся факте биографии. И эта честность оказалась лучше поспешного покаяния. Собственно, он и ехал за этим в гости, чтобы с глазу на глаз услышать от неё самой такие необходимые слова, хотя и понимал, что от них ничего не изменится. Но услышать их надо. И вот услышал и вспомнил о Валентине. Светлана будто поняла это, робко спросила:

— Тебе, наверное, пора. Зачем жену волновать.

— Да, надо собираться, а за сегодняшний малый грех Господь нас простит.

Какое-то время они вновь помолчали, чувствуя, как усиливается неловкость от скорого расставания и приходит понимание бесполезности этой встречи. И это было правдой. Ну, встретились, ну, увиделись, а дальше что? Ведь говорили же знающие люди, что подобные встречи бывают лишними и ненужными, но сейчас с этим Заходеев полностью согласиться не мог. Он-то знал, что для него это свидание оказалось желанным, долгожданным — у него было такое настроение, будто он сделал что-то важное в жизни. Антон крепился, не раскрывая себя, но в душе-то понимал, что сегодняшняя поездка, быть может, последняя возможность заглянуть в юность, увидеть ту, о ком всегда думал, и теперь, когда поговорили, попили чаю — на душе полегчало, как к этому факту ни относись. Исчез пробел в судьбе небезразличного человека, и от этого показалось, что пришёл душевный покой. Будто недолгий и сумбурный разговор заполнил пустоту, томившую так долго. И эта поездка — не предательство по отношению к Валентине, а продолжение лечебной врачующей терапии.

Вроде бы не считал себя Антон сильно виноватым перед женой, но маленький червячок помаленьку подгрызал, напоминал о совести. Поэтому, что ни говори, он почувствовал облегчение, когда простился со Светланой, поцеловав её на прощание. Уезжал с лёгкой душой. Теперь живи — не тужи. А сколь долго? Сколько Бог даст!

Из городка Заходеев выехал на шоссе и взял курс на Луховицы, до которых было теперь более ста километров, но он всё равно не спе-

шил, осмысливая недавнюю встречу, вспоминая взгляды, улыбки, слова, какими они выражали себя и которые он теперь будет хранить как богатство, а расходовать рачительно. Главное, чтобы сохранилось тепло от встречи и надежда на то, что и в будущем она будет одаривать именно этим. Сегодня они сумели закольцевать судьбу, показали сами себе, какие есть. В какой-то момент промелькнула досада оттого, что поздно он хватился, надо бы раньше встретиться со Светланой, но очень быстро эта досада растворилась в упреке самого себя: «Зря переживаю. Значит, прежде душа не созрела для такой встречи, а теперь в самый раз». И он успокоился от этой мысли, понимая, что добился, чего хотел.

В середине пути ему позвонила жена, спросила:

— Где-то ты, дружок, запропастился?! А то я волнуюсь. Когда тебя ждать?

Антон ответил легко:

— Как только, так сразу.

От этой безалаберной фразы на душе совсем полегчало, хотя Антон не мог объяснить себе, что же такого произошло знаменательного, от чего он почувствовал необыкновенную лёгкость. Он, казалось ему, теперь вполне мог воспарить над окружающим миром.

За мыслями он не заметил, как промелькнули сто километров. Ему даже не пришлось заезжать в Луховицы, когда увидел на перекрё-

стке перед городом торговый ряд из нескольких местных машин с мешками огурцов. Мешки, правда, небольшие, не торгуясь он купил два и поехал к себе в мешёрский посёлок с необыкновенно воздушной душой. Захотелось поскорее увидеть Валентину, заготовившей, надо думать, массу вопросов, и одним из первых будет такой: «Амортизаторы заменил?» — «Заменял, заменил, — скажет он, — правда, долго в очереди стоял. Зато машина теперь просто плывёт по трассе!»

Антон не знал, поверит ли ему Валентина или нет, но это теперь и неважно. Главное, что он обновил, отремонтировал мысли и чувства. Разве это плохо в его-то положении, когда и приврать совсем не грех, и ни у кого язык не повернётся, чтобы укорить.

□

### **Владимир Дмитриевич ПРОНСКИЙ**

*родился в 1949 году в городе Пронске Рязанской области.*

*Прозаик.*

*Автор романов «Провинция слёз», «Племя сирот», «Три круга любви», «Казачья Засака», «Стяжатели», «Герань в распахнутом окне», «Апельсиновая девочка», «Послушание во славу».*

*Публиковался в журналах «Север», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Подъём», «Странник» и во многих других, в коллективных сборниках, альманахах, в ближнем и дальнем зарубежье.*

*Лауреат премии имени А.С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова, а также премий нескольких литературных журналов. Секретарь Союза писателей России.*

